

близившееся к решению сложных текстологических вопросов мемуаров Герцена, не привело к установлению окончательного состава и композиции «Былого и дум». Поэтому кажется некоторой натяжкой, когда Л. Чуковская рассматривает, например, «Дополнение к «Былому и думам» — «Старые письма», опубликованные Герценом в 1859 году, то есть раньше, чем были написаны многие главы мемуаров,— как один из «концов» «Былого и дум», только потому, что в академическом издании этот раздел напечатан после последней, восьмой части.

Круг читателей мемуаров Герце-

на, к сожалению, до сих пор еще ограничен. Книга Л. Чуковской приближает сложное, многогранное произведение Герцена к массовому читателю. «Былое и думы» прочитаны в этой книге не столько историком литературы, сколько заинтересованным в судьбах сегодняшнего дня писателем. Книга Л. Чуковской написана на одном дыхании: она полна большой любви к создателю «Былого и дум» и желания, чтобы каждый мыслящий читатель обратился к вечно живому источнику одной из лучших книг русской и мировой литературы.

И. ПТУШКИНА

ЭМИНЕСКУ, 1965*

Точный перевод заглавия этой книги звучит несколько сухо: «Исследования об Эминеску». Но порумынски в словах «*Studii eminesciene*» содержится высокая поэзия и эмоциональность. «Мы ощущаем сильнее, чем когда бы то ни было,— пишет во вступительном слове Михай Бенюк,— как возрастает наша любовь к поэзии Эминеску, а свет его слова, подобно магниту, притягивает нас». Это чувство объединило на страницах книги тридцать различных авторов, принадлежащих к разным поколениям. Для двух из них, академиком Г. Кэлинеску и Т. Виану, она явилась последней книгой. Другие, как З. Думитреску-Бушуленга и Е. Симион, только недавно приобщились к литературе.

Об Эминеску немало писали в буржуазной Румынии. Пришлось переоценить многие ценности, отказаться-

ся от устоявшихся мнений, чтобы представить Эминеску очищенным от тенденциозных наветов и измышлений.

Недостаток места не позволяет обстоятельно рассказать обо всем; останемся лишь на двух сложнейших вопросах — философские взгляды и пессимизм поэта.

Авторы далеки от мысли отрицать очевидную приверженность Эминеску к идеалистическим концепциям. Известно, что в творчестве поэта находят отзвуки «шопенгауэризма», что Эминеску писал о немецком философе, выступал в его защиту и разделял некоторые его идеи. Значение этих фактов в биографии поэта раньше неизмеримо преувеличивалось. Сейчас же авторы, показывая, как Эминеску в своем мучительном стремлении к истине и гармонии воспринял некоторые идеи Шопенгауэра, заимствовал «стиль и тематику хмурого идеализма», вместе с тем убеж-

* «*Studii eminesciene*», EPL, Bucu-reşti, 1965, 766 p.

дают, что для великого поэта это явилось «вечной драмой». В интерпретации Эминеску идеи немецкого философа обретают «иной жизненный дух». Между ним и Шопенгауэром лежит «настоящая пропасть», выразившаяся прежде всего в их различном отношении к народным массам. Если автор книги «Мир как воля и представление» называет народ не иначе как «всевластной сволочью», «тупой толпой», то Эминеску говорит о «властительном народе», с гордостью заявляя, что он «лично крестьянского племени, румынской крестьянской кости». В его творчестве обнаруживается «стремление к изменению общества», восторженное изображение природы и любви, что в корне противоречило шопенгауэрской философии. Об этом пишут Г. Кэлинеску, Л. Русу, Н. Тертулян, М. Чурдариу, Г. Николеску.

В таком же конкретно-историческом плане анализируется пессимизм поэта. Немало исследователей скрестило шпаги на этой почве. Думается, теперь найден верный подход. Об особенностях пессимизма Эминеску говорят Г. Кэлинеску, П. Жоржеску, Н. Тертулян и др. Примечательно само название одной из статей сборника — «Критический и полемический смысл пессимизма Эминеску». Современник века, Эминеску находился на распутье: принять пессимизм, распространенный в Европе после поражений ряда революций и Коммуны, или оптимизм позитивистов? Под этим оптимизмом — «наивной иллюзией» — он разглядел пошлое бодрчество, готовое приспособиться к существующему строю. Эминеску искал и не находил выхода. Но пессимизм Эминеску включает в себя и чувство возмущения, протеста. Это то новое, что разглядели в его творчестве за последние годы. Пра-

вильно говорится в книге: «Эминеску великий поэт не «несмотря на то, что» он был в некотором отношении пессимистом, а именно потому, что выразил с громадной силой трагическое противоречие своей эпохи, потому, что он — высокохудожественное выражение противоречий своей эпохи».

В книге предприняты плодотворные попытки указать на жизненные истоки творчества Эминеску, особенно в статьях Перпессичиуса «Посмертные произведения Эминеску» и Ал. Пиру о сатире. Оба автора указывают, что поэт-романтик черпал вдохновение в реальной действительности.

Заслуживает внимания догадка Н. Тертуляна о знакомстве Эминеску с фигурой Иоганна Якоби — видного деятеля радикального крыла немецкой социал-демократии XIX века. Думается, однако, что Н. Тертулян, вслед за И. Тороуциу, ошибается, указывая на 1874 год как на время написания поэтом письма в защиту Якоби. Видимо, правда на стороне Д. Мурэрашу, который относит это письмо к более раннему, венскому периоду. По содержанию и тону оно созвучно письмам, которые поэт отправлял Я. Негруци из Вены в 1870—1871 годах. Если согласиться с этим, тогда легче объяснить радикальность взглядов Эминеску в его раннем романе «Опустошенный гений», созданном именно в этот период. Кстати, там идет речь о «небольшой газете, выпускаемой на севере Германии» несколькими «юными апостолами подлинной свободы» и выражающей «достойные, прекрасные, новые идеи». Исследователи уже не раз задавали себе вопрос, на какое именно издание намекает Эминеску. Между тем в 1866—1867 годах в Кенигсберге, а потом с 1868 по 1871 год в Бер-

лине Якоби выпускал газету «Die Zukunft» («Будущее»), где печатались, кроме его статей, работы К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Ф. Меринга, а также материалы о деятельности Международного товарищества рабочих. Не исключено, что «Die Zukunft» читалась юным поэтом в Вене, куда она попадала как полузапретная литература. Во всяком случае, взгляды, высказываемые «катилинарием» Томой Ноуром в романе, созвучны оппозиционному духу газеты Якоби.

В «Исследованиях об Эминеску» есть и другие положения, с которыми можно поспорить. Так, не совсем убедительными кажутся рассуждения В. Стреину о «Голубом цветке» (название стихотворения неправильно переведено на русский язык М. Павловой — «Синий цветок») как «эмбрионе» всего творчества поэта. Если говорить об «эмбрионе», следовало бы признать таковым незавершенный роман «Опустошенный гений», от которого действительно тянутся нити

ко всем произведениям Эминеску. Смущает в книге неопределенность некоторых терминов, вроде «прогрессивный консерватор». Вряд ли целесообразно так квалифицировать поэта только потому, что он вынужден был по хорошо известным причинам сотрудничать в консервативной газете «Тимпул».

Никакой сборник не может претендовать на то, чтобы полностью охватить все вопросы. В «Исследованиях об Эминеску», например, мало страниц о прозе, творческом методе, языке поэта. Такие книги, как «Проза Эминеску» Е. Симиона, «Титан и гений в поэзии Михая Эминеску» Г. Кэлинеску, «Поэтический стиль Михая Эминеску» Л. Гальди, вышедшие несколько раньше, дополняют сборник. Вместе они подводят определенные итоги и намечают плодотворные перспективы.

М. ШТИВЕЛЬМАН

*пос. Липканы
Бричанского р-на МССР*

В ЗАЩИТУ МАЛЕРБА *

И известный французский поэт-модернист Франсис Понж, автор сборников «Встав на сторону вещей» и «Проэмы», выпустил книгу, посвященную зачинателю литературы классицизма во Франции — Малербу. Чем вызван такой, кажущийся на первый взгляд неожиданным для Ф. Понжа, выбор темы? Почему он обратился именно к Малербу для того, чтобы высказать заветные мысли о поэзии и истории французской литературы? По словам Ф. Понжа, и приверженцы модернизма в поэзии должны опираться на определен-

ные, уходящие в прошлое национальные художественные традиции, иметь литературных предков. Свое генеалогическое древо Ф. Понж и возводит к Малербу.

Книга Ф. Понжа — это страстная апология Малерба-поэта. Он причисляет создателя «Оды королеве» к сонму величайших фигур мировой литературы, приравнивает его по масштабам исторической значимости к Шекспиру и Сервантесу. Он восстает против попыток некоторых современных критиков рассматривать Малерба в качестве представителя некоего предклассицистического этапа в развитии французской литературы. С точ-

* Francis Ponge, Pour un Malherbe, Paris, Gallimard, 1965, 333 p.